

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВИЧ ОДОЕВСКИЙ

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ
ОДНОГО ИЗ ЗДЕШНИХ
ОБЫВАТЕЛЕЙ
В СТЕКЛЯННОЙ БАНКЕ,
ИЛИ НОВЫЙ ЖОКО

Владимир Одоевский

**Жизнь и похождения одного из
здешних обывателей в стеклянной
банке, или Новый Жоко**

«Public Domain»

1833

Одоевский В. Ф.

Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1833

«...Что касается до меня, – сказал мне один из любезных молодых людей, – то все ваши несчастья – ничто перед моими. Великая важность, что вы попали в словарь! Сколько млекопитающихся желали бы добиться этой чести. Мне так, напротив, здесь очень хорошо: я так пообтерся о печатные листы, что, сказать без самолюбия, я никак не променяю теперешнего моего образа на прежний...»

Владимир Одоевский

Жизнь и похождения одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новый Жоко (Классическая повесть)

*Il n'est point serpent, ni de monstre odieux,
Qui par Tart imite, ne puisse plaire aux yeux.*

Boileau

*Змеи, чудовища, все гнусные создания
Плениют часто нас в искусствах подражания.*

Перевод графа Хвостова

«... Что касается до меня, – сказал мне один из любезных молодых людей, – то все ваши несчастья – ничто перед моими. Великая важность, что вы попали в словарь! Сколько млекопитающихся желали бы добиться этой чести. Мне так, напротив, здесь очень хорошо: я так пообтерся о печатные листы, что, сказать без самолюбия, я никак не променяю теперешнего моего образа на прежний. Не будь я сказкою, я бы ввек не понял, что со мною случилось; теперь, по крайней мере, волею-неволею я должен ясно понимать все обстоятельства моей жизни, быть готовым каждому отдать в ней отчет, а это, право, не безделица. Вы горюете, господа, о том, что попались в словарь! Что бы сказали, когда б, подобно мне, вы попались в стеклянную банку и подвергнулись бы опасности быть съедену собственным вашим родителем? Не удивляйтесь, господа, я рассказываю сушную правду.

Но прежде, нежели я приступлю к повествованию, я должен изъяснить вам мое недоумение о предмете, которого я и до сих пор не постигаю: зачем вы, господа человеки, терпите посреди себя злодеев, которые только и дела делают, что снимают черепа, разбирают мозг, растягивают сердце на булабочках, обрывают ноги, – злодеи, которых вы называете природонаблюдателями, естествоиспытателями, энтомологами и проч. т. п. Зачем эти господа? Зачем их холодные преступления? На какую пользу? Я до сих пор этого постичь не могу.

Вы улыбаются – вы как будто хотите сказать, что я не пойму ваших объяснений. Так и быть – я и на то согласен...

Слушайте ж:

Я происхожу от рода древнего и знаменитого Арахнидов или Аранеидов, ибо до сих пор наши летописцы спорят о нашем наименовании. Существует предание, что мы род свой ведем от крокодилов; египетские гиероглифы, где нас или наших единоплеменников изображают вместе с нашими праотцами и творения Элиана, могут служить вам в том порукою; вообще мы играли важную роль в древности: знаменитая Лидийская жена, гонимая Минервою, приняла наш образ; Аристотель описывал наши древние битвы с ящерицами; Демокрит уверял, что мы употребляем наши сети, как дикобраз свои иглы; Плиний свидетельствовал, что достаточно двух насекомых, находящихся в нашей внутренности, для того чтобы истребить человека прежде его рождения, и такова наша важность в природе, что над нашими колыбелями долго спорили ученые, называть ли их *nymphae oviformes!*

Семейство наше принадлежит к славной фамилии Ктенизов, и отец мой назывался *Ликос* – слово, которого высокое значение вы должны понять, если знаете по-гречески. Для наших обиталищ мы роём в земле глубокие пещеры; ко входу укрепляем камни и дерево, которые гордо поворачиваются на своих веревках, – от нас люди заняли то, что они называют дверями. Сверх того, говоря красноречивыми устами наших биографов, природа дала нам: два четырёхсоставные кусательные острия, челюсти зубчатые, снабжённые когтиком, но что всего важнее, одарила нас проворством, хитростию, силою мышц и неукротимую храбростию. Увы! может быть, в ней она положила зародыш и нашего злополучия!

С самых юных лет я боялся отца моего; его грозный вид, его жестокосердие устрашали меня; каждый взгляд его, казалось, грозил мне погибелью; матери моей давно уже не было; все братья мои стали жертвою его естественной лютости; уцелел один я, ибо мне удалось убежать из отеческого дома; я скрылся среди диких дебрей моей отчизны и часто, среди густых кустарников, с трепетом смотрел, как отец мой раскидывал сети пернатым, с каким искусством он заманивал их или с какою жадностию истреблял себе подобных. Между тем мне надобно было помыслить о своем пропитании; я решился, по примеру отца, сделаться охотником, расставлять сети; природа помогла мне: слабыми мышцами я натянул верви, притаился, и мне посчастливилось; пернатые, хотя изредка, но попадались ко мне; я питался ими. Так протекло долгое время, несколько уже раз светлое теплое лето уступало место мрачной, холодной зиме и снова явилось и согревало мое жилище; я возмужал; пламенные страсти начали волновать меня, и я стал искать себе подруги. Природа, моя руководительница, совершила мое желание; я нашел подругу; взаимная любовь укрепила связь нашу; мы быстро пробежали с нею высокие скалы, на легких вервях спускались в пропасти, вместе расставляли сети, вместе ловили пернатых и весело разделяли последнюю каплю росы, посылаемой небом; вскоре я увидел необходимость увеличить мое жилище, далее раскидывать сети: уже подруга моя чувствовала себя беременною, она уже боялась оставлять свое жилище, и я один должен был доставлять ей пищу; с какою радостию ходил я на охоту; природная ловкость и хитрость, казалось, во мне увеличились; я презирал опасности, смело нападал на врагов наших, и во время зимы, когда небо темно и когда тягостный сон налагал цепи на всех обитателей моей отчизны, я в темном гнезде благословлял Природу. Но увы! недолго продолжалось это блаженство. Скоро наступили тяжкие времена! Молва о могуществе и лютости отца моего ежедневно увеличивалась; уже почти все соседи мои или сделались его жертвою, или оставили родину; каждый день владения отца моего распространялись; от природы быстрый и сильный, он взлезал на высокие скалы, внимательным глазом осматривал все окружающее и как молния ниспадал на свою добычу. Уже отец мой приближался к моему жилищу; уже часто сети отца моего касались моих сетей и стопы его потрясали мое убежище. Я в ужасе не оставлял ни на минуту моей подруги: к счастью, отец еще не заметил ее; но, к величайшему моему прискорбию, часто он выхватывал добычу, попавшуюся в мои сети, и вместо прежней обильной пищи я принужден был разделять лишь голод с моею подругою. Еще я скрывал от нее весь ужас нашей участи; терпеливо сносил, когда она упрекала меня в бездействии, когда умоляла меня утолить ее голод; но, наконец, силы ее стали истощаться; бледность начала разливаться по ней, все мышцы ее пришли в оцепенение... в грусти я вышел из моего жилища – вижу: сеть шевелится, еще – уже в мыслях ловлю добычу, несу к моей возлюбленной, утоляю и ее, и свой голод... таюсь, быстро бросаюсь к своей цели... что же? отец пожирает добычу, мне принадлежащую! Отчаяние овладело мною; в порыве мщения я решился сразиться с врагом моим, несмотря на превосходство его силы, но в ту минуту мысль о подруге – необходимой жертве врага после моей погибели, эта мысль поразила меня; я удержал себя и скрепя сердце смотрел, как отец мой утолил свой голод, изорвал сеть, мною раскинутую, и гордый, спокойный возвратился в свои владения. Между тем новые намерения родились в голове моей.

Близ нашей родины находилась ужасная пропасть; границы ее терялись в отдалении, и глубины ее никто еще не решался измерить; видно однако же было, что огромные камни покрывали дно ее, и мутный источник шумел между ними; некоторые смельчаки решались спускаться в сию пропасть, но все они пропали без вести, и носилась молва, что их всех унес поток в своем стремлении. Несмотря на то, один из моих соседей, по природе любивший путешествовать, рассказывал мне, что за этою пропастью есть не только страны, подобные нашей, но что близко их есть еще другие, совсем от наших отличные, где царствует вечное лето и где дичи так много, что сетей почти не для чего раскидывать. До сих пор я считал рассказы моего соседа баснею и совсем было забыл о них; но в сию минуту они пришли мне в голову; что же, подумал я, везде гибель неминуемая: или будем жертвою гневного врага, или умрем с голода – это верно; страшно и неизвестное – но в нем есть всегда какой-то призрак надежды, испытаем! Сказано – сделано; я прицепил легкую вервь к вершине скалы и принялся спускаться; скоро достиг я другой скалы, которая служила подножием первой, и к ней также прицепил веревку, потом к третьей; наконец, уже не было скал подо мною, я качался между небом и землею и, несмотря на подымавшийся ветер, любопытным взором осматривал все, меня окружающее; уже близко был я к земле; видел, как водяное море протекало между морем камней, и приметил, что в одном месте удобно было переправиться чрез него на другую сторону, где, как мне казалось, зеленелись такие же роскошные стремнины, как и в моей родине. Надежда моя возросла, и радость взволновала сердце, как вдруг веревка моя сильно закачалась, это удивило меня, быстро поднялся я наверх и что же увидел? – отец мой гнался за моей подругой; в мое отсутствие он заметил ее, воспылил к ней преступною страстию! Несчастная собрала последние силы и, увидев веревку, опущенную в пропасть, решила по ней спуститься; я поспешил ей помочь, уже мы были на половине пути, как вдруг дунул порывистый ветер, вервь оборвалась, и я очутился в бурном потоке; к счастью, берег был близко, и я, несмотря на ослабевшие мои силы, выбрался на сушу; минута собственной опасности заставила меня позабыть о моей подруге – эта минута прошла, грусть и недоумение сжали мое сердце. Где найти мою подругу, где найти мое пепелище? Между тем вдруг солнце затмилось, гляжу: две – не знаю, как назвать, – две движущиеся горы надо мною; небольшие рытвины, расположенные полукругом, покрывали их, и во внутренности с шумом переливалась какая-то красноватая жидкость; они приближаются, я слышу мерные удары какого-то молота, на меня пашет жар, отличный от солнечного; я сжат между двумя горами; не знаю, что было со мною в эту минуту, ибо я потерял чувства; когда же опомнился, то увидел себя в каком-то странном жилище, которого великолепие тщетно я бы хотел изобразить вам.

Вокруг меня были блестящие, прозрачные стены; в первую минуту мне показалось, что то были слившиеся капли росы; но они составлены были частию из кристалльных колонн, самых разнообразных, частию из шаров, наполненных воздухом, но столь плотно и искусно сжатых, что между ними едва заметны были отверстия; вскоре солнце осветило мое жилище; тьмочисленные краски заиграли на кристаллах; переливались радужные цветы и, отражаясь на поверхности моего тела, беспрестанно производили во мне новые, разнообразные, сладкие ощущения! Как описать это величественное зрелище! Еще прежде я любил смотреть, когда солнце порождало цветы на каплях росы, но никогда я не мог вообразить, чтобы лучей его достало украсить столь обширное жилище, какова была моя темница.

Темница, – сказал я. Так! Несмотря на все великолепие, меня окружавшее, я все думал о прежнем моем жилище, о моей подруге, о моей независимости. Хватаясь за оконечности кристаллов, привязывая к ним верви, я хотя с трудом, но добрался до половины стены – вдруг что-то зашумело над моею головою; новое чудо! – стадо пернатых влетело в мое жилище. С новым усилием я продолжал подниматься, желая найти то отверстие, в которое влетели пернатые; „вокруг меня сплошные стены, – думал я, – это отверстие должно находиться вверху!“ Но что увидел я, достигши потолка? Он был не что иное, как сбор произведений почти из

всех царств Природы, соединенных между собою почти так же, как мы соединяем верви сетей. Я не мог довольно надивиться искусству того существа, которое составило эту ткань; в ней видны были остатки растений, остатки насекомых, минералы, все это держалось чудною связью; каких усилий, каких трудов было надобно, чтобы не только укрепить это все между собою, но даже собрать с разных концов вселенной. Всего удивительнее показалось мне то, что эта ткань плотно прилегала к кристаллу, но, однако, не была к нему привязана.

Лишь здесь удалось мне объяснить себе, для какого употребления могла быть эта чудная ткань; но и здесь еще я спрашиваю самого себя: эта драгоценная ткань, несмотря на все свое великолепие, может ли быть столь же полезна, как наши сети? – и не один я; я знаю: многие люди еще не решили этого вопроса.

Не нашед отверстия, я опустилсЯ вниз и, видя невозможность вырваться из моей темницы, решился в ожидании удобного к тому случая воспользоваться дарами судьбы или мощного волшебника, пославшего мне пернатых. К счастью, мне это не стоило большого труда; все они были весьма слабы и не попадали, а падали в сети, которые я расставлял им.

Так прошло долгое время, солнце уже начинало скрываться, я приготавливал себе теплый угол на время зимы; но как изобразить мое удивление? Едва сокрылось солнце, как явилось другое. Признаюсь, трепет обнял меня, когда я подумал, до какой степени может простираться власть чародеев! Вызвать свое солнце – как бы в насмешку над светилом Природы! Превратить ее порядок! до сих пор я не могу вспомнить об этом без ужаса! Правда, это волшебное солнце только светом напоминало о настоящем; не было у него теплоты; но, несмотря на то, оно так же, как настоящее, раскрашивало стены кристаллов, меня окружавшие.

В то время, как я рассматривал это чудное явление, послышался далекий гром. Ну, думал я, он разразит чародея за его преступления, разрушит мою темницу, и я восторжествую...

Через мгновение я заметил, что этот гром был действие самого чародейства; он не походил на обыкновенный гром Природы, ибо продолжался непрерывно; между тем жилище мое трепетало; не только каждый кристалл отзывался внешним звуком, но даже вервь, на которой я находился, звучала; доселе я не могу себе объяснить этого странного действия: вероятно, чародей, во власти которого я находился, совершал в это время какое-либо столь страшное таинство, что все предметы, им сотворенные, вторили его заклинаниям; еще более уверяет меня в этом то, что трепет окружавших меня предметов и на меня распространился; малопомалу все мои мышцы стали приходить в движение; чувство, подобное чувству любви, меня взволновало; невидимая сила приковала к тому месту, где были слышнее звуки, и на меня нашло сладкое самозабвение; не знаю, долго ли продолжалось это состояние; когда я опомнился, тогда уже чародейская сила иссякла; звуки умолкли, ложное солнце погасло, и мрак облекал всю Природу.

Однажды, когда светило дня сияло во всем блеске и жар его усиливался, проходя сквозь шары, находившиеся в стенах моей темницы, снова я услышал шум, потолок приподнялся – и как выразить мое восхищение? Я увидел мою подругу, мое гнездо; оставляю сердцам чувствительным дополнить, что я чувствовал в эту минуту; темница мне показалась чистой, свободной равниной – и я, может быть, только в сию минуту оценил вполне ее великолепие; но недолго продолжался мой восторг – снова потолок зашевелился, и – о ужас! – мой отец спустился в мою темницу.

С сего времени начались мои бедствия; в великольном замке негде было укрыться от отца моего; пока еще были пернатые, я был спокоен; но известна жадность отца моего; скоро он истребил всех пернатых; новых не являлось на их место; голод представился нам со всеми терзаниями. К величайшей горести, я в то же время сделался отцом многочисленного семейства, потребности увеличились. Рассказывать ли все ужасы нашего положения? Уже многие из детей моих сделались жертвою отца моего; в страхе, полумертвые, бродили мы с моею подругою по великольным кристаллам; наконец, природа превозмогла! Однажды – уже мрак начи-

нал распространяться – вдруг я замечаю, что нет со мною подруги, собираю последние силы, обхожу замок и – увы! – в отдаленном углу подруга моя пожирает собственное детище! В ту минуту все чувства вспыхнули во мне: и гнев, и голод, и жалость, все соединилось, и я умертвил и пожрал мою подругу.

После одного преступления другие уже кажутся легкими: вместе с отцом моим мы истребили все, что было живого в темнице; наконец, мы встретились с ним на трепещущем теле моего последнего сына; мы взглянули друг на друга, измерили свои силы, готовы были броситься на смертную битву... как вдруг раздался страшный треск, темница моя разлетелась вдребезги, и с тех пор я не видал более отца моего...

Что скажете? – моя повесть не ужаснее ли повести Эдипа, рассказов Энея?

Но вы смеетесь, вы не страдаете моим бедствием!

Слушайте ж, гордые люди! Отвечайте мне, вы сами уверены ли, убеждены ли вы, как в математической истине, что ваша земля – земля, а что вы – люди? Что, если ваш шар, который вам кажется столь обширным, на котором вы гордитесь и своими высокими мыслями, и смелыми изобретениями, – что, если вся эта спесивая громада не иное что, как гнездо неприметных насекомых на какой-нибудь другой земле? Что, если исполинам, на ней живущим, здумается делать над вами – как надо мною – физические наблюдения, для опыта морить вас голодом, а потом прехладнокровно выбросить и вас, и земной шар за окошко? Изрытыми горами вам покажутся их пальцы, морем их канавка, годом – их день, свечка – волшебным солнцем, великолепным замком – банка, покрытая бумагой, смиренно стоящая на окне и в которой вы, по тонкости своего зора, заметите то, чего исполины не замечают. А, господа! что вы на это скажете?...»

Господин Ликос замолчал – не знаю, что подумали другие, но меня до смерти испугали его вопросы; испугали больше, нежели пугают гг. критики, которым я смело отдаю на съедение моего мохноногого героя – пусть они себе кушают его на здоровье!